

высший моральный стандарт добродетели и нравственности состоял в том, чтобы человек не только честно и добросовестно выполнял свои обязанности и вел себя высоко морально в соответствии со своей природой, но и находил высшее удовлетворение в добродетельных поступках. Если ему для этого требовалось, сопротивляясь соблазну, подавлять и контролировать свои пагубные, вредные (evil) импульсы, его поведение не соответствовало критериям добродетельности. В XIX ст. от человека требуется неукоснительное выполнение его долга. В этом видится высший моральный идеал, к которому человек должен стремиться, а главное, способен, стремиться. Но ожидать, что он будет испытывать желание выполнять свой долг или чувствовать радость от того, что он его выполняет, значит предъявлять к нему сверхчеловеческие требования. Само понятие «долг» содержит признаки несовершенства. Для его выполнения требуется принуждение, что не соответствует древнегреческому эталону, который исключал любую форму принуждения. Но, если оценивать качество морали по абсолютной шкале, современная мораль объективно лучше древнегреческой, но субъективно хуже.

Такой абсолютной шкалы нет. Если бы она была, это значило бы, что существует определенный предел развитию морального идеала. Это означало бы признание того, что где-то, на Земле ли, или на небесах существует вечный неизменный идеал добродетели и морали. Но что в нашем меняющемся мире может оправдать такое предположение? Добродетель так же недостижима, как и счастье. В определенном смысле понятие «добродетель» еще более бессмысленно, чем понятие «счастье». Совершенство добродетели разрушило бы все наши моральные характеристики. Если бы «долг» во всех его формах стал удовольствием, он перестал бы быть долгом. Добродетель, перед которой нет искушения нарушать ее, перестает быть добродетелью. Пессимист приходит к выводу о том, что, стараясь быть моральным и добродетельным, человек стремится к неуловимому миражу, который безошибочно направляет его по пути греха.

Единственную надежду, которая может вознаградить пессимиста, уверенного в несовершенстве мира, он находит в красоте и эстетике эмоций, отношений и действий. Нельзя не отметить тонкую иронию, заключающуюся в выборе такого противоречивого и изменчивого понятия в качестве спасительного положительного признака жизни. Красота вряд ли может служить основанием для объективного суждения. Стремление к красоте часто приводит к конфликту с добродетелью и пользой. Хотя в большинстве случаев все, что составляет благо, добродетель, пользу (good) является красивым, обратное далеко не всегда хорошо. Но самое разрушительное действие развитие эстетического чувства оказывает на то, как человек воспринимает мир. Остро развитое эстетическое чувство заставляет человека избегать контакта со всем грубым и обыденным, из-за чего он теряет связь со многими сторонами жизни. Существует множество функций и обязанностей, которые люди должны выполнять, но которые могут вызвать отвращение у изысканного эстета. Восхищение красотой, таким образом, только осложняет и без того сложную жизнь.

Знание представляет собой иллюзию точно так же, как счастье, добродетель и красота. Для того, чтобы быть истинным оно должно соответствовать идеалу, установленному, постоянному, и определенному в качестве стандарта, по которому можно измерять меняющееся состояние мира. Такой идеал в мире Становления найти невозможно. Единственный логический вывод, который ра-